

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВА

**ЛИТЕРАТУРА
И ЖИЗНЬ**

ОЧЕРКИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

До конца Второй мировой войны

ИЗБРАННОЕ

Составил С. Шварц

**Sponsored by the Russian Institute of Columbia University.
New York**

1969

нулась ожесточенная дискуссия, в которой даже *Безыменский* прикинул к этой «ереси». Вмешался сам отец «пролетлитературы» *Серафимович*, которому вообще было неясно, зачем нужно изображать рабочего-массовика, зачем нужно искать его в «массе». Аргументы *Серафимовича* так любопытны, что их нельзя не привести. Оказывается, в старой литературе мужика, например, рисовали всегда неусложненного, он был «косматый, обросший и говорил тае», ну а он, *Серафимович*, еще до войны самолично видел «мужичка», который, живя в бедной избушке с «телятами и ребятами», читал *Спенсера*! И вот поэтому он отечески предостерегает «пролетарских» писателей: «Вы, товарищи, не завяжите в этой штуке. Начнешь живого человека писать, забудешь обобщать, синтезировать и все как-то органически связывать».

И критика послушно следует указаниям своего учителя, избегая останавливаться на живых людях, сосредоточивая свое внимание на пыльных «кожаных куртках», «русской, корявой народности лучшем отборе», и в серьез принимая горестно-иронический завет *Гоголя*: «зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенства нашей жизни, выкапывая из глуши, из разных закоулков государства»!

(С. В., 1929, 15 июля, № 14).

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Н. Асеев, автор невежественной и развязной книги об Италии, за которую ему заслужено попало от *Горького*, ныне занялся «Охотой на гиен». («Мол. Гв.», 1929 г., № 12).

«Почистим винтовки с тобою, читатель, смажем маслом их стволы, осмотрим пули и в путь, городским вечером, на охоту за этим трусливым, но смертельно злым зверем».

Кто же эти «гиены», истреблять которых приглашает советский горе-писатель?

В галерее «гиен» преобладают люмпенские элементы, которые в поисках заработка не гнушаются ни одной щелью советской действительности. Это — участники летучих артелей, которые у вокзала, фиктивно нанимая автомобили, переуступают их за «приплату» не торгующемуся седоку, заставляя обиженного советского писателя, возвращающегося из крымского отдыха, трястись на извозце. Это — перекупщики и скупщики билетов у театров; люди, торгующие «Ододем», «самопишущими ручками» и — наконец — нищие, нищие всевозможных обличий от бывшего офицера до бывшей «оперной» певицы и «просто» нищего, веселящего окраину за счет перепавших и на его долю «остатков» спирта. *«Иногда они глотают камни, чтобы обмануть мучительные спазмы трусливого брюха. Но камни они изрыгают непереваренными, разжалобив свидетелей, а выброшенные им объедки пожирают, жирея и лоснясь сально-грязной шерстью».*

Отталкивающий образ пореволюционного «коммунистического» обывателя, «смазывающего винтовку маслом» против нищих, «глютающих камни», остался бы незаконченным, если бы автор фарисейски-благочестиво не развел руками перед нарисованной им картиной, вопрошая: «Откуда же заводятся они у нас, в складках нашей перетряхнутой начисто жизни, в порах нашей проветренной общественности?»

**
*

Артем Веселый, писатель, принадлежащий к довольно многочисленной группе коммунистов, личная и общественная биография которых в сущности началась в октябре 1917 года, написал маленький, но очень выпуклый рассказ-письмо, в котором бывшие участники гражданской войны делятся со своим бывшим командиром впечатлениями о советском житье-бытье. Авторы жалуются, между прочим, на то, что герои гражданской войны никому не нужны, а когда они заикаются о своих ранах, часто слышат в ответ: «О ранах пора забыть, никому они не интересны. У нас мирное строительство социализма». И с большой грустью рисуют беспросветную жизнь своих товарищей: «Старая партийная гвардия редеет. Кто стал торговцем, кто бандитом, иные, как жуки зарылись в землю, и ничего дальше своей кучки дерьма не видят и видеть не желают, многих сломила нужда и, когда-то разившие грозного врага, теперь на мирном положении сами попадают в плен к кулакам». Зато появились новые «герои»: «Посиживают они в холодочке, чай гоняют, о массе не думают, сами себя выбирают, сами себе жалованье назначают». «Дети их лезут в комсомол, а внуки в барабанщики. Таких комсомольцев мы зовем золочеными орешками». И такую силу возымели эти новые господа положения, что «ни с беднотой, ни с нами, рядовыми коммунистами, и разговаривать не хотят». А «нас, защитников и завоевателей, восхваляют и призывают только по большим праздникам, да когда в нос колет — во время проведения какой-нибудь кампании, а потом опять отсовывают в темный угол. Закомиссарились прохвосты, опьянели властью. Если таковые и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит».

Ответ командира, хотя и был обещан в одном из ближайших номеров «Молодой Гвардии», так и не появился. Вместо же него напечатано пространное внушение И. Вардина. Рассказ Веселого его очень испугал: «По существу это есть картина полного социально-политического переворота». Пусть «мразь», о которой поведали, не лукавая, авторы письма, и существует в советской природе, но ведь «рабочие-большевики» денно и нощно ее изгоняют. А у Веселого, — восклицает в полном смятении Вардин, — получается так, что «они уже почистили нас, большевиков!» Кто это утверждает, тот «совершает величайшее преступление перед революцией». Становясь на защиту «обиженных бойцов», Веселый тем самым ополчается «против всей системы пролетарской диктатуры».

Грозный окрик, может быть, и заставит замолчать неосторожного писателя, осмелившегося правдиво описать то, что он наблюдал в жизни. Но можно ли официальной ложью приостановить неумолимый исторический процесс?

(С. В., 1929, 19 августа, № 15).

Социалистический вестник

«НОВЫЕ РАБОЧИЕ»

Многолетняя кампания по поднятию интенсивности труда рабочих, на сегодняшнем своем этапе именуемая «социалистическим соревнованием», сопровождается одним чрезвычайно симптоматическим явлением социально-психологического порядка.

Не случайно с самого начала кампании по поднятию интенсивности труда столбцы газет, впервые со времени революции, запестрели бранью по адресу «отсталой части» рабочих. Сначала эта брань носила индивидуальный характер: «бюллетенщик», «прогульщик», «бузотер», «пьяница», «лодырь». Однако, незаметно и исподволь, эти характеристики стали окрашиваться в очень отчетливые социальные тона. И в ежедневной прессе, и в художественной литературе замелькали эпитеты «скобарь», «деревенщина». Н. Никандров в рассказе «Руда» («Н. М.», 1929 г., № 5) устами крестьянина-рабочего Аввакумова так подводит итоги этим ставшим уже ходячими мнениям:

«Мы и 'деревенщина', и 'лапти', и 'кушаки', и 'навозники', и 'темнота', и 'не перекипели в заводском котле', и 'на производство нам наплевать', и 'ни в каких обществах не участвуем', и 'лишь бы отработать смену и поскорей в свою деревню, к своему свинушнику'. Мы и на работу ходим 16 верст не из нужды, а из жадности».

Наконец, к моменту развертывания «социалистического соревнования» получила право гражданства еще одна уничижительная кличка: «новый рабочий». Эта одиозная социальная кличка вобрала в себя все предыдущие характеристики от «прогульщика» до «деревенщины» и становится как бы «псевдонимом рабочего вообще». И Л. Тоом, одна из немногих советских критиков, которая иногда имеет мужество смотреть правде в глаза, осторожно, но недвусмысленно говорит, что:

«Презрительное отношение к 'новым рабочим' может прикрывать собою презрение к живому, реальному пролетариату в целом, к массе рабочего класса».

Презрение к «новым рабочим», сделанным якобы из совсем иного теста, чем «потомственные пролетарии», вне всякого сомнения на руку в первую очередь многочисленным группам «красных» хозяйственников и бюрократов разных мастей, которые в этом официально допущенном поношении видят средство, с помощью которого они «утверждают» свое социальное превосходство над пролетариатом